
Особенности проявления проагрессивных и ингибирующих агрессию структур у лиц, совершивших агрессивные правонарушения

Калашникова А.С., кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии МГППУ, старший научный сотрудник ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России (kaspsy@mail.ru)

Василенко Т.Г., аспирантка факультета Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (vol4onka_@mail.ru)

Изучение проблемы возникновения агрессивного поведения невозможно без учета не только проагрессивных, но и ингибирующих агрессию личностных структур. Предполагается, что именно количественные и качественные характеристики сдерживающих агрессию факторов и отличают агрессивных правонарушителей от законопослушных граждан. В настоящем исследовании приняли участие 24 мужчины в возрасте от 18 до 55 лет, отбывающие наказание за совершение агрессивных правонарушений, и 30 мужчин в возрасте от 19 до 55 лет, которые к уголовной или иному виду ответственности ранее не привлекались. Применялись методики, направленные не исследование как проагрессивных, так и сдерживающих агрессию личностных структур, использовался не только количественный, но и качественный анализ, представленный главным образом методом составления корреляционных плеяд. Согласно полученным результатам, не было обнаружено статистически значимых различий между исследуемыми группами по уровню диспозиционной, реактивной и мотивационной агрессивности, однако обнаружилось значительно большее количество ингибирующих агрессию структур у лиц без агрессивного поведения в анамнезе по сравнению с лицами, совершившими агрессивные правонарушения.

Ключевые слова: агрессивное поведение, противоправные насильственные действия, проагрессивные факторы, ингибиторы агрессии, тормозящие (подавляющие) агрессию личностные структуры.

Проблема профилактики агрессивно-насильственных правонарушений стоит достаточно остро как в Российской Федерации, так и зарубежом в связи с неизменно высоким уровнем преступлений тяжкого и особо тяжкого характера, наносящим огромный ущерб государству и его гражданам. В ряде работ [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8], показано, что криминальная агрессия является многофакторным феноменом.

Авторы [1; 3] подчеркивают, что для выявления механизмов агрессивного противоправного поведения целесообразно исследовать не только проагрессивные факторы, повышающие риск таких правонарушений, но и так называемые «ингибиторы агрессивного поведения» [2], тормозящие проявление агрессии. Однако проблема ингибирующих агрессию структур остается по-прежнему не достаточно изученной. Между тем научные исследования в данном направлении позволили бы не только более полно описать психологические факторы, вносящие вклад в агрессивное криминальное поведение, но и разработать направления профилактики и коррекции подобного рода деликтов.

Под ингибиторами агрессии понимаются факторы, предупреждающие агрессивные действия и включающие в себя в основном личностные структуры, подавляющие агрессивные импульсы [2; 3]. Среди тормозящих агрессию личностных структур выделяют ценностные, социально-нормативные, диспозиционные, эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные сдерживающие структуры и психологические защитные механизмы [1; 3]. Данные структуры являются неотъемлемой составляющей «нормального» неагрессивного поведения, а их неразвитость или ситуативный дефицит в сочетании с выраженностью проагрессивных личностных факторов приводит к более легкой реализации агрессивного поведения [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Большинство исследований в данной области посвящены анализу вклада в агрессивное криминальное поведение отдельного ингибитора или группы тормозящих агрессию личностных структур. Настоящее исследование ставило перед собой цель вывить не только количественные, но и качественные характеристики ингибирующих факторов, рассмотренных в виде единой целостной структуры.

Материал и методы исследования

Испытуемые. В качестве экспериментальной группы (А) были исследованы 24 мужчины в возрасте от 18 до 55 лет (средний возраст – 31), отбывающие наказание за агрессивные правонарушения по статьям 105 части 1, 2 УК РФ («Убийство»), 111 части 1, 4 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), 131 части 1, 2 УК РФ («Изнасилование»), 132 части 1, 2 УК РФ («Насильственные действия сексуального характера»), 162 части 1, 2 УК РФ («Разбой»), 163 части 2 пункта «в» («Вымогательство») в Следственном изоляторе №3 города Москвы, также в Исправительной колонии № 6 города Коломна. В контрольную группу (К) вошли 30 мужчин в возрасте от 19 до 55 лет (средний возраст – 28.5), которые к уголовной или иному виду ответственности ранее не привлекались. Группы были уравнены по социо-демографическому, образовательному, профессиональному признакам.

Методы и методики. На фоне методов психологического анализа материалов уголовного дела и стандартизированного интервью, применялись следующие методики, направленные на оценку личностных структур испытуемых: личностный опросник агрессивности Басса–Дарки (для выявления агрессивности как черты личности), тест руки Вагнера (для выявления мотивационной агрессивности); тест фрустрационной толерантности Розенцвейга (для выявления реактивной агрессивности), методика многостороннего исследования личности (ММИЛ) в интерпретации Ф.Б. Березина (для оценки социально-нормативных, эмоциональных, коммуникативных ингибиторов агрессии), тест «Исследование волевой

саморегуляции» А. Зверкова, Е.В. Эйдмана (для выявления эмоциональных ингибиторов агрессии), Торонтская алекситимическая шкала Тейлора (для выявления коммуникативных и эмоциональных ингибиторов агрессии), тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Дж. Крамбо, Л. Махолика, адаптированный Д.А. Леонтьевым (для выявления ценностных ингибиторов агрессии), методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями (для выявления интеллектуальных ингибиторов агрессии), опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля» (для выявления механизмов психологической защиты).

Для верификации полученных результатов применялась статистическая обработка данных при помощи программы IBM SPSS Statistics 20. Определение значимости различий показателей между группами производилось с помощью критерия Манна-Уитни; корреляционный анализ – с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение

Согласно теоретическим положениям [1; 3] индивидуально-психологические особенности испытуемых лиц были условно разделены на проагрессивные личностные факторы и ингибирующие агрессию структуры.

При сравнительном анализе проагрессивных личностных особенностей (по результатам методик тест руки Вагнера, методики Басса-Дарки, теста фрустрационной толерантности Розенцвейга) не было выявлено значимых различий по показателям «агрессивность» при том, что в обеих группах был зафиксирован высокий уровень диспозиционной, мотивационной и реактивной агрессивности. Однако, выявляются достоверно значимые различия на уровне значимости $p < 0.01$ при анализе характера реагирования в ситуациях фрустрации (табл. 1).

Таблица 1

Среднегрупповые значения показателей по методике «Тест фрустрационной толерантности Розенцвейга» (баллы)

Показатель	Среднее значение (А)	Среднее значение (К)	Уровень значимости
Интрапунитивная реакция эго-защитного типа (I (I))	2.0385	0.8958	0.012
Экстрапунитивная реакция разрешающего типа (e)	1.2692	2.2292	0.049
Индекс групповой конформности	37.5962	29.4975	0.045

(GCR)			
Баланс переработки агрессии	4.7950	2.0569	0.021
Степень самостоятельности	3.8538	1.5687	0.003

Так, по результатам методики Тест фрустрационной толерантности Розенцвейга обнаружилось, что в группе осужденных за агрессивные правонарушения достоверно ниже показатели выраженности интрапунитивных реакций эго-защитного типа (склонность брать вину на себя) и экстрапунитивных реакций разрешающего типа (перекладывание ответственности за разрешение ситуации на других), чем в контрольной группе. Кроме того, наблюдается значительное преобладание показателей индекса групповой конформности, баланса переработки агрессии и степени самостоятельности в группе осужденных за агрессивные нарушения по сопоставлению с лицами, к уголовной ответственности не привлекавшихся. Можно сказать, что лица, осужденные за агрессивные правонарушения, не склонны к эго-защитным реакциям в форме самообвинения, а также к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме перекладывания ответственности за удовлетворение потребности и разрешение проблемы на партнеров по ситуации, в отличие от испытуемых контрольной группы. Однако, при сопоставлении результатов показатель индекса групповой конформности значительно преобладает у осужденных за агрессивные правонарушения, что означает наибольшее соответствие паттерна реакций групповому стандарту у осужденных. Таким образом, осужденные за агрессивные правонарушения, в отличие от контрольной группы, не склонны к сублимации агрессии и при этом обладают тенденцией к самостоятельности при разрешении возникающих фрустрирующих ситуаций и к меньшему перекладыванию ответственности на других людей.

Стоит отметить, что при анализе общих образцов реагирования в ситуациях фрустрации выявляются сходные закономерности в обеих группах: по направлению реакций наблюдается преобладание импунитивных реакций (склонность избегать самообвинений и обвинений в адрес фрустратора) над экстрапунитивными (склонность к внешнеобвиняющим реакциям), которые в свою очередь преобладают над интрапунитивными (склонность к самообвинению) ($M > E > I$), по типу реакций эго-защитные реакции преобладают над разрешающими, которые превышают выраженность реакций препятственно-доминантного типа ($ED > NP > OD$). В обеих группах преобладают экстрапунитивные реакции эго-защитного типа в форме агрессивного отрицания своей вины (E), однако осужденные за агрессивные правонарушения склонны к принятию на себя ответственности ($E > i > M$) в то время как испытуемые контрольной группы более склонны не замечать трудности фрустрирующей ситуации и избегать ответственности за нее ($E > M', M > i$).

Сравнение ингибиторов агрессии в основной и контрольной группах показало значимые различия по показателям методик ММИЛ, «Исследование волевой саморегуляции» А. Зверкова, Е.В. Эйдмана, «Индекс жизненного стиля» и методики

для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями.

Среди социально-нормативных структур значимые различия (при уровне значимости $p < 0.05$) между группами по результатам проведения методики ММИЛ выявились по шкале «4» (реализация эмоционального напряжения в непосредственном поведении, минуя систему общепринятых норм и правил поведения) (табл. 2). Испытуемые основной группы по сравнению с испытуемыми контрольной группы на статистически высоко значимом уровне различия отличаются более высокими показателями по обозначенной шкале, что свидетельствует о том, что они в большей степени склонны игнорировать социальные нормы, морально-этические ценности и правила поведения. Помимо этого, испытуемые основной группы обнаруживают более низкий контроль за поведением и эмоциями (шкала «К»), чем испытуемые контрольной группы.

Среди диспозиционных ингибиторов агрессии по результатам методики ММИЛ значимые различия обнаружилось по шкалам «3» (вытеснение факторов, вызывающих тревогу) и «6» (ригидность аффекта) (табл. 2). Так, испытуемым основной группы более свойственна, чем испытуемым контрольной группы, дисгармоничная структура личности, в которой подозрительность и склонность к действительным и мнимым обидам сочетаются со склонностью к вытеснению вызывающих тревогу факторов и преобладанием демонстративного поведения.

Таблица 2

Среднегрупповые значения по методике ММИЛ (сырые баллы)

Показатель	Среднее значение (А)	Среднее значение (К)	Уровень значимости
Шкала L	7.4667	2.8000	0.0001
Шкала К	13.8800	19.2667	0.001
Шкала 3	26.4000	19.0800	0.0001
Шкала 4	19.762	16.833	0.026
Шкала 6	15.2667	11.1600	0.038

При сравнительном анализе эмоциональных ингибиторов агрессии (методика «Исследование волевой саморегуляции») обнаруживаются (при уровне значимости $p < 0.05$) более высокая склонность к настойчивости, контролю и самообладанию в основной группе по сравнению с контрольной группой (табл. 3). Данный результат может свидетельствовать о нарастании внутренней напряженности, связанной со стремлением проконтролировать каждый элемент собственного поведения, а также тревоге, утрате гибкости поведения, чертах озабоченности и утомляемости в группе осужденных за агрессивные правонарушения по сравнению с лицами, к уголовной ответственности не привлекавшихся.

Таблица 3

Среднегрупповые значения показателей по методике ВСК (баллы)

Показатель	Среднее значение (А)	Среднее значение (К)	Уровень значимости
Общая шкала ВСК	16.7619	13.7600	0.032
Настойчивость	11.8095	9.3600	0.042
Самообладание	8.5714	6.7200	0.014

При сравнении психологических защитных механизмов (методика «Индекс жизненного стиля») выявляется (при уровне значимости $p < 0.05$) большая выраженность защитного механизма «отрицание» и меньшая выраженность защитного механизма «регрессия» в основной группе по сравнению с контрольной группой (табл. 4). Данный результат может свидетельствовать о склонности осужденных за агрессивные правонарушения либо к отрицанию возникающих фрустрирующих ситуаций, либо к неосознанному отрицанию какого-либо личностного свойства или импульса. В то же время для лиц, к уголовной ответственности не привлекавшихся, более характерно при воздействии фрустрирующих факторов стремиться заменять решения субъективно более сложных задач на решение относительно простых и доступных в сложившейся ситуации.

Таблица 4

Среднегрупповые значения показателей по методике «Индекс жизненного стиля» (сырые баллы)

Показатель	Среднее значение (А)	Среднее значение (К)	Уровень значимости
Регрессия	4.88	6.48	0.036
Отрицание	5.88	3.48	0.007

При обработке результатов методики для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями (интеллектуальные ингибиторы агрессии) значимые различия между группами обнаружались по показателям «дистанцирование» (когнитивные усилия отделиться от ситуации и уменьшить ее значимость) и «поиск социальной поддержки» (усилия в поиске информационной, действенной и эмоциональной поддержки) (табл. 5). Испытуемые основной группы обнаружили большую (по сравнению с группой сравнения) склонность к дистанцированию от психотравмирующей ситуации и меньшую к поиску социальной поддержки.

Таблица 5

Среднегрупповые значения показателей копинг-стратегий (баллы)

Показатель	Среднее значение (А)	Среднее значение (К)	Уровень значимости
Дистанцирование	9.789	7.300	0.001
Соц.поддержка	8.842	10.866	0.031

Для выявления качественных различий в структурах проагрессивных и ингибирующих личностных особенностей в разных группах испытуемых был проведен корреляционный анализ показателей проведенных методик¹. На основе полученных корреляций были составлены корреляционные плеяды, отражающие наиболее значимые корреляционные связи².

Так, качественный анализ корреляционных плеяд выявил уникальные картины взаимосвязей проагрессивных и ингибирующих структур в группах исследования. Анализ корреляционной плеяды группы лиц, совершивших агрессивные правонарушения, выявил центральную тенденцию – склонность к фиксации на препятствии на пути к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме явного подчеркивания наличия препятствия или состояния фрустрации (показатель Е/ в методике тест фрустрационной толерантности Розенцвейга), который находится в прямой взаимосвязи с такими чертами личности как аффективная ригидность, тревожность, низкая способность к эмпатии (ММИЛ) и обратной взаимосвязи с такими чертами как настойчивость, самообладание, самоконтроль («Исследование волевой саморегуляции»). При небольшом количестве связей между большим количеством элементов выявляется простота организации ассоциативных связей личностной структуры. На первый взгляд, проагрессивные структуры и ингибиторы агрессии представлены примерно в равном соотношении, однако, как показывает анализ связей между элементами, далеко не все параметры, изначально принимаемые в качестве ингибиторов агрессии, выполняют тормозящую функцию. Так как обнаруживается прямая зависимость между большинством проагрессивных структур между собой и другими элементами личностной структуры, при усилении данных элементов, проагрессивные структуры так же усиливаются. Так, центральный компонент структуры, склонность к фиксации на препятствии к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме явного подчеркивания наличия препятствия или состояния фрустрации, при обратной зависимости подавляет выраженность ингибиторов агрессии, один из которых, а именно показатель самообладания, в свою очередь при обратной зависимости усиливает элемент защитного механизма регрессии, увеличивающего при прямой зависимости выраженность проагрессивных структур. Обратная зависимость наблюдается лишь между тенденцией к реакции гнева как элемента проагрессивных структур и общим

¹ При построении корреляционных плеяд учитывались взаимосвязи только между отдельными шкалами без учета суммарных показателей.

² В связи с большим количеством измеряемых параметров и, как следствие, большим количеством значимых связей, при составлении корреляционных плеяд учитывались корреляционные связи только при $p < 0.01$.

уровнем волевого самоконтроля, самообладания и настойчивости как элементов ингибирующих агрессию структур личности, а также между показателем направленности на достижение цели и общим уровнем защитных механизмов, и регрессией. Таким образом, при усилении общего уровня волевого самоконтроля, самообладания и настойчивости, тенденция к реакции гнева ослабевает, а при усилении направленности личности на достижение цели, ослабевает общая напряженность защитных механизмов и механизма регрессии, что в свою очередь, подавляет враждебность и агрессивность.

Отдельного внимания заслуживает группа проагрессивных факторов. Несмотря на то, что показатель «вербальная агрессия» (методика Басса-Дарки), подразумевающий выражение негативных чувств через словесные ответы, имеет довольно большое количество корреляционных связей с другими показателями, он не находится в центре рассматриваемой фигуры, т.е. не занимает основополагающую позицию в данной структуре. Между тем, показатель «вербальная агрессия» имеет положительные корреляционные связи с другими проагрессивными показателями, такими как «Е» (тест фрустрационной толерантности Розенцвейга) – выраженная внешнеобвиняющая реакция в ответ на фрустрацию (оскорбления, возмущения, замечания); «негативизм» (методика Басса-Дарки) – оппозиционная манера в поведении; «косвенная агрессия» (методика Басса-Дарки) – агрессия, окольным путем направленная на другое лицо. Также показатели «Е» и «негативизм», «негативизм» и «косвенная агрессия» обнаруживают положительную корреляционную связь между собой. Полученные данные свидетельствуют о том, что в основе агрессивного поведения лиц, совершивших агрессивнее правонарушения, наряду со склонностью к фиксации на препятствии на пути к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме явного подчеркивания наличия препятствия лежит сочетание внешнеобвиняющих высказываний с оппозиционной манерой поведения, причем агрессия чаще не выражается напрямую.

Показатель «вербальная агрессия» также имеет отрицательные корреляционные связи с ингибирующими агрессию структурами – «I/» (тест фрустрационной толерантности Розенцвейга) – испытывание неловкости перед источником фрустрации; «М» (тест фрустрационной толерантности Розенцвейга) – стремление избежать обвинения кого бы то ни было в конфликтной ситуации. Следует отметить, что показатели «I/» и «М» имеют положительную корреляционную связь между собой. Полученные данные говорят о том, что при реализации агрессии отсутствует неловкость перед источником фрустрации и стремление избежать обвинений в адрес лица, с которым происходит конфликт. Таким образом, структура личностных особенностей лиц с агрессивным поведением содержит подструктуру проагрессивных показателей, сконцентрированных вокруг внешнеобвиняющих высказываний (причем не напрямую в адрес фрустратора) при оппозиционной манере поведения и фиксации на препятствии на, на фоне незначительного количества ингибиторов агрессии.

При качественном анализе корреляционной плеяды проагрессивных структур и ингибиторов агрессии в группе лиц, ранее не привлекавшихся к уголовной или иной ответственности, по сравнению с группой осужденных за агрессивные правонарушения, наблюдается большое количество связей между элементами личностной структуры, что затрудняет выделение центральной тенденции. Помимо

более богатой личностной структуры, чем в основной группе, в контрольной группе наблюдается явное преобладание ингибиторов агрессии над проагрессивными структурами при обратный характере зависимости в большинстве случаев, что говорит о том, что при усилении одного элемента структуры, связанные с ним элементы ослабевают. Таким образом, проагрессивные структуры закономерно подавляются ингибиторами агрессии в контрольной группе.

Вместе с тем структура корреляционной плеяды рассматриваемой группы разделена на большое количество частей, не связанных между собой. Часть плеяды, содержащая проагрессивные личностные особенности имеет наиболее лаконичный характер по сравнению с плеядой основной группы. При этом наибольшее количество корреляционных связей, также как и в основной группе, имеет показатель «Е» (тест фрустрационной толерантности Розенцвейга) – выраженная внешнеобвиняющая реакция в ответ на фрустрацию (оскорбления, возмущения, замечания). Положительные корреляционные связи показатель «Е» обнаруживает с проагрессивными показателями «подозрительность» (методика Басса-Дарки) – недоверие или убежденность в том, что другие люди планируют и приносят вред; «вербальная агрессия» (методика Басса-Дарки) – выражение негативных чувств через словесные ответы; «негативизм» (методика Басса-Дарки) – оппозиционная манера в поведении. Причем показатели «подозрительность» и «вербальная агрессия», «вербальная агрессия» и «негативизм» имеют положительные корреляционные связи между собой. Полученные данные свидетельствуют о том, что при столкновении с фрустрирующими обстоятельствами лица, не привлекавшиеся к уголовной ответственности, на фоне недоверия окружающим, формирующим оппозиционную манеру поведения, склонны к выражению негативных эмоций преимущественно через внешнеобвиняющие высказывания.

Как упоминалось ранее, по сравнению с лаконичной частью структуры, отражающей проагрессивные факторы, выделяется отдельная большая часть плеяды данной группы испытуемых, содержащая ингибирующие агрессию структуры. Центральное место в ней занимают положительные корреляционные связи между показателями «самообладание» («Исследование волевой саморегуляции»), «нацеленность на результат», общий показатель осмысленности жизни (тест смысложизненных ориентаций), «надежда на то, что время, ход событий или совместное обсуждение изменят психотравмирующую ситуацию» (показатель «т» в тесте фрустрационной толерантности Розенцвейга) и обратные взаимосвязи с показателями «реализация эмоционального напряжения в непосредственном поведении» и «ориентация на внутренние критерии» (ММИЛ). Рассмотренные показатели имеют корреляционные связи в другими ингибирующими структурами, формируя, таким образом, систему индивидуально-психологических особенностей, тормозящих проявления агрессии. Полученные результаты свидетельствуют о развитой структуре ингибиторов агрессии у лиц без проявлений агрессии в анамнезе. Таким образом, у контрольной группы ведущим звеном проагрессивных личностных особенностей являются внешнеобвиняющие высказывания, однако при относительно развитой структуре данных факторов решающая роль отводится большому количеству ингибиторов агрессии.

Таким образом, при одинаково высоком уровне агрессивности ингибиторы агрессии у лиц, осужденных за агрессивные правонарушения и у лиц, не привлекавшихся к уголовной или иному виду ответственности, выражены в

различном соотношении: у осужденных за агрессивные правонарушения они представлены в меньшей степени. Кроме того, при схожих общих тенденциях к реагированию в ситуациях фрустрации, проагрессивные и ингибирующие элементы представлены различными картинами взаимосвязей в личностных структурах данных групп, что может являться фактором, обуславливающим характер поведения. Данные результаты подтверждают и дополняют исследования отечественных и зарубежных авторов. Так, согласно А.С. Калашниковой [1], лиц, совершивших агрессивные правонарушения, и лиц, не привлекавшихся к уголовной ответственности, объединяет одинаковый уровень реактивной и диспозиционной агрессивности, однако существенное различие лежит именно в развитой системе ингибиторов агрессии во втором случае. Выявленные в настоящем исследовании ведущие ингибиторы агрессии в форме самообладания и уровня волевого самоконтроля соотносятся с зарубежными исследованиями, представленными в Общей модели агрессии (General aggression model) [4; 5; 7], мета-теории интегративной структуры связи агрессии и тормозящих механизмов I³ (I-cubed theory) [6], теории взаимодействия личностных систем (Personality Systems Interaction Theory) [8].

Выводы

1. При одинаково высоком уровне агрессивности выраженность проявления ингибиторов агрессии у лиц, совершивших агрессивные правонарушения, слабее, чем у лиц, не привлекавшихся к уголовной или иному виду ответственности.

2. Для лиц, совершивших агрессивные правонарушения, характерно сочетание внешнеобвиняющей позиции и склонности к фиксации на препятствии на пути к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей в форме явного подчеркивания наличия препятствия, которое находится в прямой взаимосвязи с такими чертами личности как аффективная ригидность, тревожность, низкая способность к эмпатии и обратной взаимосвязи с такими особенностями как настойчивость, самообладание и самоконтроль.

3. Для лиц, не привлекавшихся к уголовной или иному виду ответственности, ведущим звеном проагрессивных личностных особенностей являются внешнеобвиняющие высказывания, однако решающая роль отводится большому количеству ингибиторов агрессии в виде самообладания, нацеленности на результат, высокой осмысленности жизни, следования общепринятым нормам и правилам поведения.

Литература

1. Калашникова А.С. Соотношение личностных предпосылок разнонаправленной (гетеро- и ауто-) агрессии // Мир психологии. 2009. №4. С. 258 – 266.
2. Налчаджян А.А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван, 2000. С. 76-77.
3. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.

4. *Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model / Chapter in Miller A. G. (Ed.) The social psychology of good and evil. New York Guilford Publications. 2004. Pp. 162-192.
5. *Cobb R.A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D.* Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence? / Personality and social psychology bulletin. 2013. Pp. 279 – 292.
6. *Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-Control and Aggression / Current Directions in Psychological Science. 2012. Pp. 20-25.
7. *DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J.* The general aggression model: Theoretical extensions to violence / Psychology of Violence. 2011. №1. Pp. 245-258.
8. *Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory / International journal of offender therapy and comparative criminology. 2008. Pp. 554-572.

Features of proaggressive and inhibiting aggression structures in individuals who have committed aggressive offenses

Kalashnikova A.S., PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, MСUPE, Senior Research Assistant, V.P. Serbskiy State Research Center of Social and Forensic Psychiatry, Russian Ministry of Health (kaspsy@mail.ru)

Vasilenko T.G., Post-graduate Student, Chair of Legal Psychology, MSUPE (vol4onka_@mail.ru)

A study of issues of aggressive behavior occurrence is impossible without taking into account not only proaggressive, but also inhibiting aggression personality structures. It is assumed that the quantitative and qualitative characteristics of factors limiting aggression distinguish aggressive offenders from law-abiding citizens. The present study involved 24 men aged 18 to 55 years, serving a sentence for committing aggressive offenses, and 30 men aged 19 to 55 not previously subjected to criminal or that kind of responsibility. The procedures we used were aimed to study not only proaggressive, but also counteraggressive personality structures, we used not only quantitative but also qualitative analysis presented mainly by correlation constellations method. According to the results, there was no statistically significant difference between the groups in terms of dispositional, reactive and motivational aggression, however, we have found a much larger number of structures inhibiting aggression in patients without a history of aggressive behavior, compared with those who have committed aggressive offenses.

Keywords: aggressive behavior, illegal acts of violence, proaggressive factors, aggression inhibitors, personality structures inhibiting aggression.

References

1. *Kalashnikova A.S.* Sootnoshenie lichnostnyh predposylok raznonapravlennoj (getero- i auto-) agressii // *Mir psihologii*. 2009. № 4. S. 258–266.
2. *Nalchadzhan A.A.* Jetnopsihologicheskaja samozashhita i agressija. Erevan, 2000. S. 76–77.
3. *Safuanov F.S.* Psihologija kriminal'noj agressii. M.: Smysl, 2003. 300 s. Anderson G.A., Carnagey N.L. Violent evil and the general aggression model / Chapter in

Miller A. G. (Ed.) The social psychology of good and evil. New York Guilford Publications. 2004. P. 162-192.

4. *Anderson G.A., Carnagey N.L.* Violent evil and the general aggression model / Chapter in Miller A. G. (Ed.) The social psychology of good and evil. New York Guilford Publications. 2004. Pp. 162-192.
5. *Cobb R.A., DeWall C.N., Lambert N.M., Fincham F.D.* Implicit theories of relationships and close relationship violence: does believing your relationship can grow relate to lower perpetration of violence?/ Personality and social psychology bulletin. 2013. P. 279–292.
6. *Denson T.F., DeWall C.N., Finkel E.J.* Self-Control and Aggression / Current Directions in Psychological Science. 2012. P. 20-25.
7. *DeWall C.N., Anderson C.A., Bushman B.J.* The general aggression model: Theoretical extensions to violence / Psychology of Violence. 2011. № 1.P. 245–258.
8. *Ross T., Fontao M.I.* The relationship of self-regulation and aggression: an empirical test of personality systems interaction theory/ International journal of offender therapy and comparative criminology. 2008. Pp. 554-572.